

لا من أجل المدرسة، لكن من أجل الحياة ندرس

АРАБСКИЙ ЯЗЫК. ЧАСТЬ 2

В этом выпуске, посвященном арабскому языку, о его особенностях, опыте обучения и общения с иностранными коллегами, практиках перевода рассказывают **Дмитрий Черкашин, Андрей Чупрыгин и Лариса Чупрыгина.**

Дмитрий Черкашин,
старший преподаватель Института классического
Востока и античности факультета гуманитарных наук

Впервые я познакомился с арабским языком, будучи студентом первого курса Института восточных культур и античности РГГУ. Формально этот язык не был для меня основным: я учился на специальности «Языки и литературы древней Сирии-Палестины», где главным изучаемым языком был древнееврейский. Практически с самого начала мой интерес к арабскому языку стал отнимать все время, и я уже не мог уделять достаточного внимания остальным довольно многочисленным языкам, которые тогда преподавались на моей специализации, о чем сегодня, впрочем, жалею. Мне повезло, и моя увлеченность арабским языком нашла поддержку у руководителя кафедры Л.Е. Когана. Немного расскажу о том, как происходило обучение на моей специализации.

Письменность классического арабского языка, которую студенты начинают осваивать прежде всего, хотя исторически и родственна европейскому алфавитному письму, все же выглядит крайне необычно по сравнению с кириллицей и латиницей. Арабские слова пишутся справа налево, буквы не разделяются на строчные и прописные, многие из них соединяются с последующими. Кроме того, в арабском письме также обычно отсутствует строка в известном нам смысле этого слова: рукописный арабский текст часто выглядит как замысловатый орнамент, за что его и называют арабской вязью.

Освоив письмо, мы перешли к чтению текстов. Мое знакомство с арабской литературой началось со знаменитой хрестоматии В.Ф. Гиргаса и В.Р. Розена. Написанная двумя основоположниками арабистической науки в дореволюционной

России, эта хрестоматия включает короткие нравоучительные изречения (араб. ḥikam), небольшие истории (араб. ʿaḥādīṭ) и анекдоты (араб. nawādir). В дальнейшем я также учился только по оригинальным неадаптированным текстам (Коран, Айям аль-Араб, древняя арабская поэзия). Таким образом, меня обучали по модели подготовки филологов-классиков, которая эффективно применялась для обучения многих поколений востоковедов. В основе такого педагогического подхода лежит текст как основной предмет исследования филолога, а вспомогательными пособиями в работе с ним служат грамматики и словари. Грамматические темы вводятся самостоятельно, а также разбираются на живом примере – по мере их появления в тексте. Многие роднит этот подход с методом погружения, использующимся в изучении живых языков. После школьных уроков английского языка первое время студенту приходится нелегко, однако преимущества такого метода в изучении мертвых языков все же весьма значительны: на протяжении всего обучения студенты знакомятся с грамматикой языка на примере реальных текстов, а не искусственных упрощенных фраз из учебников, в которые, к сожалению, не так редко закрадываются ошибки.

Помимо древних арабских текстов в институте я изучал лишь ту разновидность арабского языка, которая называется классическим арабским языком. Норма этого языка, как считается, сложилась в результате деятельности арабских грамматистов VIII-IX веков, которые в своих трудах опирались на язык Корана и доисламской поэзии. Подавляющее большинство современных текстов на арабском языке написано на более поздней форме классического арабского языка, которая в современной литературе называется современным литературным арабским языком (англ. Modern Standard Arabic, далее – СЛАЯ).

По сравнению с классическим арабским языком, СЛАЯ характеризуется лишь некоторым упрощением грамматики, наличием новой лексики (необходимой для отражения новых реалий и нередко заимствованной из европейских языков), а также иной стилистикой. Сами арабы не различают эти формы арабского языка между собой и объединяют их под одним названием *al-fuṣḥā*, что значит «самый ясный, самый выразительный». Это наименование восходит к словосочетанию *al-luḡa al-ʿarabiyya al-fuṣḥā* – «самый ясный арабский язык».

После того как я окончил обучение, Л.Е. Коган пригласил меня преподавать арабский язык на впервые открывшейся тогда в нашем институте арабской специализации. Позднее он привлек меня к участию в экспедициях на остров Сокотра (Йемен). Так в 2010 году я впервые оказался в арабской стране в составе экспедиции по изучению языка и фольклора сокоотрийского народа. Это путешествие произвело на меня сильнейшее впечатление. Все мне казалось странным, удивительным, непривычным. Прогулки по узким глухим улочкам центра Саны, столицы Йемена, способны создать впечатление, что ты переместился не только в пространстве, но и во времени. Несмотря на то что в переплетениях этих улиц легко было потерять дорогу, я не испытывал страха. Неуютно становилось, лишь когда я порой оказывался в большом скоплении вооруженных людей. Основную проблему, однако, представляло общение. Дело в том, что знание классического арабского языка практически не помогает, когда приходится общаться с арабами вживую. В повседневной речи арабы, как правило, используют родные для них современные разговорные арабские языки или «современные диалекты арабского языка». Они очень многочисленны и разительно отличаются не только от классического арабского языка, но также нередко и друг от друга. Так, например, жители Марокко с трудом понимают жителей Египта, хотя обратное, что интересно, не всегда справедливо из-за распространенности египетских средств массовой информации (и, следовательно, египетского диалекта) в арабском мире. Кроме того, среди образованных арабов бытует особая разновидность арабского языка, которая в англоязычной литературе часто называется *Educated Arabic*. Она представляет собой смесь элементов СЛАЯ с диалектными чертами, распространенными в соответствующем регионе. Однако уровень образованности в Йемене в среднем довольно низкий, невысок был на первых порах также и мой навык устного общения. Тем не менее именно *Educated Arabic* был основным языком взаимодействия с нашими информантами с острова Сокотра, родным языком которых является сокоотрийский. Терпение и дружелюбие наших информантов очень помогли мне освоиться в той разновидности арабского, которая используется на острове, хотя и по сей день между нами иногда возникает недопонимание, которое порой становится причиной комических ситуаций.

На сегодня классический арабский язык является мертвым языком, однако множество людей по всему миру продолжают изучать его и писать на нем. Для этого есть по крайней мере две причины. Во-первых, этот язык используется в исламском богослужении по всему миру, и среди мусульман распространено представление, что Коран лучше читать в оригинале. Второй фактор я бы обозначил как так называемое

панарабское единство: именно классический арабский язык, а не какая-либо другая его форма на протяжении уже многих столетий служит инструментом письменного общения между арабами, и никакие попытки колониальных властей, предпринимавшиеся в XX веке и направленные на вытеснение классического арабского языка, не увенчались успехом. Классический арабский язык продолжает оставаться единственным литературным языком арабов, а объем созданных на нем текстов просто колоссален. Именно поразительное многообразие арабской литературы произвело на меня впечатление уже на первых порах знакомства с этим языком, но и сейчас я не перестаю удивляться, открывая для себя новых авторов, неизвестные мне прежде жанры и отдельные произведения. Даже сегодня мы можем лишь приблизительно воссоздать перечень произведений, написанных на арабском языке, при том что некоторые из них либо вовсе не дошли до наших дней, либо еще не были обнаружены. Это значит, что область исследований арабской литературы пока не имеет четких границ. В своей преподавательской работе я всегда пытаюсь показать студентам, какие огромные возможности для исследований предоставляет арабистика.

В обучении своих студентов я стараюсь сочетать разные подходы. На первом курсе я, как правило, занимаюсь по учебнику, однако все остальное время мы со студентами читаем только оригинальные неадаптированные тексты. По моему мнению, на сегодняшний день существует не так уж много достойных пособий по классическому арабскому языку. Поэтому помимо современных учебников, словарей и грамматик я нередко использую и те, которые были написаны в прошлом или даже в конце позапрошлого века. Уровень филологических исследований в самих арабских странах, к сожалению, сегодня находится на невысоком уровне, в первую очередь в связи с общим низким уровнем образования в арабском мире, а также из-за весьма распространенного там резко отрицательного отношения к достижениям современной филологической науки, которое по большей части вызвано антиколониальными настроениями. По этим причинам в своей преподавательской и исследовательской практике я почти не использую научные публикации на арабском языке, за исключением некоторых изданий арабских текстов.

Андрей Чупрыгин, старший преподаватель школы востоковедения факультета мировой экономики и мировой политики

Арабский язык я начал учить, прямо скажем, случайно. После школы я подал документы в Военный институт иностранных языков, окруженный в то время флером тайны и романтики, сдал вступительные экзамены и пришел на мандатную комиссию – тот самый орган, который принимал окончательное решение о зачислении. Председатель комиссии поинтересовался моей оценкой на вступительном по иностранному языку (это был английский) и, услышав, что сдал я его на отлично, сообщил комиссии и мне, что буду я учить арабский язык.

Надо сказать, что это был 1968 год, самый разгар «войны на истощение» между арабскими странами и Израилем. Была острая нехватка переводчиков-арабистов. В ВИИЯ наборы на арабский были по 130-150 человек, готовили в ускоренном

режиме по специальной методике в течение двух лет и отправляли в командировку в Египет и Сирию. Я отправился в Египет. С тех пор моя жизнь так или иначе связана с арабским языком и Ближним Востоком.

Знакомство с культурой, религией, образом жизни населения арабских стран привело в определенной степени (не побоюсь пафосного стиля) к новому осмыслению эволюции человеческого общества. Дело в том, что в любой арабской стране сосуществуют сразу несколько укладов социальной жизни и хозяйствования – от глубоко патриархального до современного «западного». Центральную роль играет религия даже в тех странах, где демонстрировать свою религиозность не принято.

На этом фоне огромную роль в развитии общества играет интеллигенция и академическая «тусовка», при этом делится она строго на два лагеря – традиционный мусульманско-религиозный и так называемый светский. Однако в некоторых вопросах светский не сильно отличается от традиционного. Изучение этого в некоторой степени уникального дискурса позволяет по-новому взглянуть на историю вообще и перспективы дальнейшего развития в частности.

В арабском языке отсутствует то, что мы называем академическим письмом. Все научные работы, статьи, книги пишутся на арабском литературном языке, в ряде случаев (в зависимости от темы) – с использованием значительного количества лексики классического языка (в основном в цитатах из Корана и Сунны – устной традиции Пророка). С этой точки зрения академические труды и научные исследования в той или иной степени доступны пониманию любого говорящего на арабском языке. Все научные тексты, за исключением тех, что были написаны в период с пятидесятых до девяностых годов двадцатого столетия, когда на Ближнем Востоке победным маршем шагал «арабский социализм», полны религиозных аллюзий и коннотаций, что делает их понимаемыми для всех слоев общества и профессий. Это, конечно, основное отличие арабских научных текстов от продукта научных исследований в западной традиции. И в целом представляет огромный интерес для исследователя, стремящегося познать новое и необычное в эволюции научной мысли.

Кстати об «арабском социализме». Моя ранняя активность на Арабском Востоке пришлось как раз на период арабского социализма с щедрой примесью панарабизма.

Наверное, мне очень повезло, так как я за годы работы с арабским языком встречался с большим количеством политических и государственных деятелей арабских стран и на их территории, и в Москве, во время государственных и неофициальных визитов. Гамаль Абдель Насер в Египте, Хафез аль-Асад в Сирии, ранний Саддам Хусейн в Ираке, Шадли Бен Джадид в Алжире, Муаммар Каддафи в Ливии – грандиозные политические фигуры, яркие личности, с которыми мне посчастливилось познакомиться за годы работы переводчиком – на конференциях и совещаниях в качестве члена элитной группы арабистов-синхронистов.

До сих пор вспоминаются такие зубры ближневосточной и мировой политики, как Халед Багдаш – курд по происхождению, генеральный секретарь компартии Сирии, Муаммар Каддафи, Ясир Арафат, Жорж Хауи – генеральный секретарь компартии

Ливана и, отдельно, отец и сын Джумблаты – Камаль и Валид, лидеры друзской общины Ливана. Эти люди фактически формировали политическую ситуацию на Ближнем Востоке, а следовательно, и в мире.

Можно сказать, что на моих глазах формировалась современная история Ближнего Востока.

Арабисты моего поколения стали участниками военных конфликтов в регионе, свидетелями наиболее жестких и одновременно неожиданных поворотов в противостоянии Израиля и арабского мира, эволюции палестинского вопроса от военного противостояния до Кэмп-Дэвида и от ООП к палестинской администрации Западного берега Иордана.

На встречах в Арабском клубе «Пальмира» школы востоковедения НИУ ВШЭ можно пообщаться с моими коллегами – военными переводчиками и услышать подробности тех событий из первых уст.

Процессы эти продолжают и по сей день. Только теперь это ренессанс религии, связанный с подъемом национального и религиозного самосознания в различных формах, включая экстремизм, а в то время было отражением противостояния двух лагерей: капитализма и социализма.

Ближний Восток продолжает играть ключевую роль в мировой политике, преподнося нам неожиданные события практически ежедневно. Так что нынешнее поколение арабистов, обучающихся в Вышке, будет, как и мы, свидетелями и непосредственными участниками ближневосточных загадочных эволюций, только уже на новом качественном и содержательном уровнях.

Лариса Чупрыгина, старший преподаватель школы востоковедения факультета мировой экономики и мировой политики

Арабский язык появился в моей жизни случайно. Это сегодня студенты, поступившие на первый курс школы востоковедения Вышки, имеют возможность выбрать для изучения тот восточный язык, который им больше нравится (впрочем, наша школа востоковедения является в этом плане одним из немногих, если не единственным из востоковедных отделений российских вузов, где такой выбор предоставляется). В 1978 году, когда я в числе немногих вчерашних школьников поступила на историко-филологический факультет Университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы (сегодня – Российский университет дружбы народов), в группу с изучением арабского языка зачисляли студентов, сдавших вступительный экзамен по английскому языку лучше других абитуриентов. После спецшколы с углубленным изучением английского языка это было сделать несложно, так как основной контингент поступавших в УДН составляли рекомендованные обкомами КПСС абитуриенты с производственным стажем, считавшиеся наиболее подходящим, «проверенным» окружением для иностранных студентов, для обучения которых УДН, собственно, и был создан. А объяснялся такой отбор в группу с арабским языком просто: на изучение двух языков – арабского и английского – в этой группе отводилось столько же (а именно 26) часов в неделю, сколько в других группах изучали один иностранный язык. О выборе языка вопрос,

таким образом, не стоял. Не успев разобраться, радоваться или огорчаться назначению арабского языка, считавшегося в то время экзотическим, наша группа, состоявшая из семи студентов, оказалась зачисленной в полном составе на двухлетние курсы по подготовке гидов-переводчиков для Олимпиады-80. Курсы были организованы агентством «Интурист», где в дополнение к 14 часам арабского языка в университете мы изучали его еще 12 часов в неделю.

Стоит отметить, что такая интенсивная подготовка по арабскому языку сравнима с программой изучения восточных языков в школе востоковедения НИУ ВШЭ: сразу после открытия школы в наших учебных планах на изучение восточных языков отводилось также по 26 часов в неделю. Как известно, восточного языка много не бывает: программы подготовки по арабскому языку, реализуемые в школе востоковедения, быстро получили признание коллег не только из российских, но и из европейских вузов, а школа востоковедения НИУ ВШЭ, несмотря на свой юный возраст (в следующем году нам исполнится 10 лет), стала сегодня одним из ведущих российских центров востоковедной, в том числе арабистической, подготовки. Наши студенты-арабисты завоевали уже не одно призовое место в студенческих состязаниях различных уровней и стали победителями Всероссийской студенческой олимпиады по арабскому языку.

В том далеком 1980 году, окончив 2-й курс истфила, сдав экзамены на курсах и получив квалификацию гида-переводчика по арабскому языку, я получила первый опыт работы переводчиком: проводила экскурсии по Москве для группы туристов из Ливана. Этот опыт стал незабываемым! Вот только одно из ярких воспоминаний: доброжелательные ливанцы, впечатленные олимпийской Москвой, грандиозными церемониями открытия и закрытия Олимпийских игр, улетающим Мишкой и тем фактом, что московская студентка знает литературный арабский язык, на котором в самом Ливане, как и в других странах Арабского Востока, говорят только «специально подготовленные люди» (в основном те, кто имеет высшее филологическое или богословское образование), преподнесли переводчице коллективный прощальный подарок в виде коробки восточных сладостей и красивой упаковки, в которой оказалась... джинсовая юбка! (И то и другое в полном соответствии с действовавшими в то время инструкциями я передала уполномоченным сотрудникам все того же «Интуриста»). А благодарственное письмо от ливанцев, полученное через несколько месяцев после окончания Олимпиады во вскрытом конверте, хранится до сих пор!

С того момента и на многие годы переводческая работа стала моим любимым занятием: она не только давала возможность профессионального роста, развития навыков общения на арабском языке, но и открывала двери в мир за пределами «железного занавеса» (речь идет о 80-х годах прошлого столетия, когда любое неофициальное общение с иностранцами находилось под пристальным вниманием государства,

а возможности выезда за пределы СССР были ограничены). Из стран Арабского Востока в Москву приезжали делегации, в составе которых были интересные, незаурядные люди – представители творческой интеллигенции, общественные деятели. Переводчики-арабисты были весьма востребованы, к работе с делегациями привлекались не только опытные дипломированные арабисты, которые были наперечет, но и студенты, имевшие опыт общения с арабами. Дело в том, что в силу специфики арабского языка и ситуации диглоссии, существующей в арабских странах, разговорная форма арабского языка значительно отличается от его письменной-литературной формы (эта форма называется «арабский литературный язык», именно его мы, как и нынешние студенты, изучали на занятиях). В УДН, где учились студенты из стран Арабского Востока, как раз была возможность попрактиковаться в разговорной речи. Эта практика очень пригодилась: в качестве переводчика-арабиста еще студенткой я побывала не только во всех республиках Советского Союза, но и на Арабском Востоке, знакомство с которым началось с Египта: поездка в Каир открыла удивительный многогранный мир, о котором можно много рассказывать, но который все-таки лучше увидеть, а еще лучше – посмотреть на него глазами арабиста и почувствовать изнутри, что возможно, только если ты знаешь арабский.

О переводческой работе можно писать сценарии для многосерийных сериалов – это целый пласт жизни, наполненный интереснейшими событиями и встречами. Круг арабистов узок, и сегодня в НИУ ВШЭ приятно встретить коллег, с которыми я познакомилась еще во времена студенческой переводческой жизни: Елену Николаевну Соловьеву и Андрея Владимировича Чупрыгина. Каждому из них, как и Алексею Ивановичу Мищенко – сегодня преподавателю школы востоковедения, а в прошлом – тоже переводчику-арабисту, есть что вспомнить и о чем рассказать студентам! Приходите на встречи Арабского клуба школы востоковедения «Пальмира», и вы услышите интересные истории!

Арабский язык во многом уникален. Он – единственный из живых языков, знание которого дает возможность читать в оригинале философские, религиозные, языковедческие и историко-географические трактаты, написанные в VII-XV веках. Объясняется это тем, что, будучи языком Корана, современный арабский литературный язык практически не изменился с VII века, сохранив грамматическую структуру классического арабского языка.

Эта особенность арабского языка открывает перед исследователем практически неисчерпаемые возможности научной деятельности, ведь количество сохранившихся арабских рукописей огромно!

Продолжение читайте на сайте
okna.hse.ru

Выпускается НИУ ВШЭ. Редактор Сергей Матвеев.

Материалы подготовлены при участии Владимира Селивёрстова.

Контакты: okna@hse.ru, (495) 772 9590, доб. 12-677.

Подписаться на рассылку можно здесь: <https://okna.hse.ru/contacts>.

Дата выпуска: 24.01.2019. Тираж 650 экз. Адрес: Москва, ул. Мясницкая, д. 20.